Религиоведение. 2021. № 3. С. 5–14.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2021. No. 3. P. 5–14.

DOI: 10.22250/2072-8662.2021.3.5-14

Шахнович М.М.

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
m.shakhnovich@spbu.ru

Местночтимые православные святые в России в конце 1920-х – начале 1930-х годов (по материалам этнографических экспедиций)

Аннотация. В статье рассматривается изучение почитания местночтимых святых советскими этнографами в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Экспедиции осуществлялись сотрудниками Музея антропологии и этнографии, Этнографическим отделом Русского музея, Государственной академией истории материальной культуры, Обществом краеведения и Союзом воинствующих безбожников. Интерес к изучению местных культов святых проявляли этнографы, стремящиеся не столько к историческим исследованиям почитания святых в России, сколько к антропологическому изучению синкретических особенностей поклонения святым, в котором в наибольшей степени сохранились народные представления и дохристианские практики в форме так называемого «православного язычества».

Ключевые слова: народное православие, культ святых, этнографические экспедиции 1920-х гг., Н.М. Маторин

Marianna M. Shakhnovich

St. Petersburg State University
5 Mendelevskaya linya, St. Petersburg, 199034, Russia
m.shakhnovich@spbu.ru

Locally Venerated Orthodox Saints in Russia in the End of the 1920s – Early 1930s (Based on Ethnographic Expeditions)

Abstract. The article examines the study of the veneration of locally revered saints by Soviet ethnographers in the late 1920s and early 1930s. The expeditions were carried out by the staff of the Museum of Anthropology and Ethnography, the Ethnographic Department of the Russian Museum, the State Academy of the History of Material Culture, the Society of Local History and the Union of Militant Atheists. Ethnographers showed interest in the study of local cults of saints, striving not so much for historical studies of the veneration of saints in Russia, as for the anthropological study of the syncretic features of the worship of saints, in which folk ideas and pre-Christian practices in the form of so-called “Orthodox paganism” were preserved to the greatest extent.

Key words: folk Orthodoxy, the cult of saints, ethnographic expeditions of the 1920s, N.M. Matorin

В последние годы исследователи проявляют значительный интерес к изучению почитания святых, которых в православной церковной традиции называют «местночтимыми» [Лимеров, 2008; Панченко, 2012; Мороз, 2017]. Чаще всего такими святыми объявлялись обычные люди, с которыми случалось что-то необычное, в результате чего они приобретали дар творить чудеса. Чудеса могли происходить и после смерти таких святых на их могилах, а также в местах, связанных с ними. Известно, что почитание местночтимых святых могло преследоваться церковью, но часто церковь в конце концов включала их в число признанных святых, и тогда они получали официальное житие, в которое включались распространённые народные предания [Мороз, 2009, 21–22]. Культ местночтимых святых возникал в крестьянской среде стихийно, формируя одно из важнейших оснований народной православной культуры.

Народное православие – предмет междисциплинарных исследований, но важнейшая роль в его изучении принадлежит этнографам и фольклористам, собирающим первичную информацию о религиозных верованиях и обрядах в рамках полевых исследований. В связи с этим представляет интерес введение в оборот полевых материалов, которые были собраны, но по тем или иным причинам не были опубликованы. Экспедиционные материалы 1920-х – 1930-х гг. в этом отношении представляют особую ценность, так как они отражают особенности православной религиозности в условиях культурной революции и радикального изменения места церкви в жизни общества и государства.

В середине 1920-х гг. началась систематическая работа по организации этнографических и фольклорных экспедиций в рамках общего антрополого-этнографического изучения населения [Арзютов, Кан, 2013]. Возглавляла эту работу созданная в Академии наук Комиссия по изучению племенного состава населения. В конце 1929 г. на базе этой КИПС был создан Институт по изучению народов СССР. Если функции КИПС сводились, главным образом, к составлению этнографических карт, то перед ИПИИ была поставлена задача изучения трансформации традиционного жизненного уклада в процессе коллективизации и социалистического строительства в целом, и в рамках этих изменений следовало изучать особенности религиозной культуры («религиозного быта») в национальных регионах [Худяков, 1930].

Экспедиции осуществлялись сотрудниками Музея антропологии и этнографии, Этнографическим отделом Русского музея, Государственной академией истории материальной культуры [Шахнович, 1932], научными обществами и объединениями. Помимо прямого финансирования через научные учреждения, организация экспедиций по изучению религии могла, как тогда говорили, «проводиться по линии» разных учреждений и финансироваться из разных источников. Например, в 1933 году изучение «религиозных пережитков» среди рыбаков Гдовского района Псковской области осуществлялось благодаря командировке от местного Рыбак-союза (Союз рыбохозяйственных предприятий) [СПбФА РАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 7. Л. 44]. Особая роль в исследовании религиозности населения отводилась Обществу краеведения [Соболев, 2000] и Союзу воинствующих безбожников. В 1929 году Ленинградское отделение СВБ под руководством Н.М. Маторина организовало первую экспедицию по изучению православия и сектантства в Билярский район Татарстана. В следующем году была им же организована экспедиция по изучению религиозного быта в Нижневолжский край. Материальную поддержку этой экспедиции, помимо СВБ, оказали Академия наук и Наркомпрос, так как в составе экспедиции, помимо двух научных работников и кинооператора, были 13 студентов кафедры истории религии Ленинградского института истории, философии и лингвистики, которую возглавлял Маторин. Только в 1931 г. Научно-исследовательский отдел Центрального совета СВБ, совместно с ИПИИ, Институтом по изучению народов Востока, антирелигиозным отделением Коммунистической академии, Государственным антирелигиозным издательством и рядом других учреждений организовал 19 экспедиций, в которых участвовало 56 человек, которые обследовали 34 района страны, в том числе 19 национальных, среди которых Северный Кавказ, Центральный Черноземный округ, Украина, Нижегородская область, районы Дальнего Востока и др. [Дунаевский, 1932, 456–457]. Помимо исследований религиозности населения перед экспедициями стояла задача изучить состояние антирелигиозной работы «на местах». Например, в июле 1930 г. в заволжской части Нижегородского края работала экспедиция из 10 человек, организованная Центральным антирелигиозным музеем, ИПИИ, Государственной академией искусствознания и Нижегородским краевым музеем. В задачу экспедиции входил, во-первых, сбор фольклорных и этнографических материалов, относящихся к почитаемому озеру Светлый Яр и к горам на берегу озера, в которых, по легенде, скрылся град Китеж. Во-вторых, членам экспедиции было предписано развернуть разъяснительную кампанию во время празднества, совершаемого ежегодно на берегах «святого озера» накануне Ивана Купалы 23 июня (6 июля), в день церковного поминовения святой Агриппины Римской, прозванной в народе Аграфеной Купальницей [Невский, 1931].

Особый интерес в конце 1920-х гг. у исследователей народной религиозности вызывал культ местночтимых святых, прежде всего, в связи с тем, что их почитание было недостаточно известно. Так, старший архивариус Историко-культурной секции (бывш. Синодальный архив) Единого государственного архивного фонда М.Ф. Паозерский писал в 1923 г.: «До сих пор нет полного списка русских святых, и многие из них, особенно те, которым празднуется в разных медвежьих углах России, остаются известными только окрестному населению» [Паозерский, 1923, 8]. Однако в своей книге о русских святых он сосредоточился на описании историй канонизации тех святых, почитание которых было распространено самым широким образом, так как изучение почитания местночтимых святых требовало большой исследовательской работы за пределами Петрограда. Необходимо отметить, что интерес к местным культам прежде всего проявляли те исследователи, которые стремились не столько к историческим исследованиям почитания святых в России, сколько к этнографическому изучению синкретических особенностей поклонения святым, в котором в наибольшей степени сохранялись народные представления и дохристианские практики, проявлялись черты т. н. «православного язычества».

Т.А. Бернштам отмечала, что в пореформенную эпоху в России «большинство авторов сходилось во мнении, что большинство крестьян невежественны в вопросах веры, молятся иконам как “богам”, не знают о троичных ипостасях, не различают Бога и святых» [Бернштам, 2005, 304]. В журнале «Церковный Вестник» в сентябре 1889 г. в публикации под названием «Следствия малограмотности среди простого народа и средства к распространению просвещения» рассказывается о том, что крестьяне полагают св. Николая богом, Покров и Успение считают именами святых. Там же приводится очень характерный разговор батюшки и крестьянина о том, каких святых он почитает: «Сколько у вас богов? – Да Бог их знает! – Назови хоть одного. – Саваох. Ещё: Господь, Владычица, Казанская, Михаил Архангел, Рождество, Пасха, Святки. – А масленица? Нет, масленица не Бог, – сказал, подумавши» [Па-в, 1889, 637]. В 1929 г. Н.М. Маторин, основываясь на своих наблюдениях, описал подобные представления, существовавшие у христианизированных народов Поволжья [Маторин, 1929, 104–105].

В 1929 году Н.М. Маторин, как заведующий кафедрой истории религии, предложил студенту последнего курса восточно-славянского цикла этнографического отделения географического факультета А.А. Невскому, ученику Д.К. Зеленина, занимавшемуся религиозным синкретизмом в православии, подготовить небольшую выставку «Православное язычество» для Антирелигиозного музея экскурсионно-лекторской базы Ленинградского отдела народного образования (директор – Н.П. Трошин) [Шахнович, 2019, 61]. В основе выставки лежала идея о связи православных икон с народными верованиями и практиками, прежде всего, «с разными природными культами: культом воды, деревьев» [НИА ГМИР Ф. 36. Оп. 2. Д. 4. Л. 29]. Выставка просуществовала недолго, но фотографии икон этой выставки, по словам Невского, вошли в книгу Маторина «Женское божество в православном культе» [НИА ГМИР. Ф. 36. Оп. 2. Д. 4, Л. 29]. Действительно, в этой известной книге есть изображения икон из ленинградских музеев. Особый интерес представляют опубликованные в книге фотографии, сделанные Невским в 1929 году в деревне Ильеши Волосовского района Ленинградской области, где почиталась чудотворная икона св. Параскевы Пятницы, находившаяся в храме и раз в год с крестным ходом переносимая на место её чудесного явления в километре от деревни; берёза, в корнях которой была найдена икона; камень с углублением (следом св. Параскевы), куда набиралась вода, считавшаяся целебной, а также источник, открывшийся на месте явления иконы после строительства часовни [Маторин, 1931, 7–12]. Фотографии паломников и этих священных объектов сопровождаются в книге комментарием. Например, там приводится фотография часовни, вокруг которой женщины обводят лошадь. Маторин сообщает, что большую лошадь обвели вокруг часовни три раза, при этом у дверей в часовню всякий раз лошадь останавливали и творили молитву. Местный праздник св. Параскевы в Ильешах традиционно отмечается в «Ильинскую Пятницу», то есть в пятницу перед днём пророка Илии, который празднуется 20 июля (2 августа). Именно в эту пятницу, по легенде, была обретена почитаемая

икона, которая представляет собой деревянное рельефное изображение святой, значительное выступающее от основной доски. Исследователи не раз обращались к проблеме возникновения местного культа Параскевы Пятницы, его корням в дохристианском культе богини-покровительницы женщин, его связи с финно-угорскими традициями почитания природных объектов [Максимов, 1903, 275–289, 516–518; Панченко, 1998, 70, 92–94].

В.Ф. Шевцова в своей книге, посвящённой православия в России накануне 1917 г., приводит большой список архивных дел, содержащих отчёты в Святейший правительствующий Синод из разных епархий (Тамбов, Псков, Самара, Вятка, Курск, Вологда и др.), в которых содержится информация о священных колодцах и источниках и связанном с ними культе святых. Например, в 1892 г. в Воронежской епархии один крестьянин, возвращаясь домой поздно ночью, встретил пожилого человека, который велел ему на следующий день привести соседей в определённое место, чтобы вырыть там колодец. Эта вода, обещал человек, будет полезна для общины. По мнению, крестьянина, этот человек был святым. Колодец вырыли, и рядом с ним явилась икона [Шевцова, 2010, 218].

В апреле – июне 1929 г. до поездки в Ильши Невский под руководством Маторина выполнял ещё одну важную работу – составление методических указаний по изучению бытового православия. Такие методички были необходимы, прежде всего, для краеведов и провинциальных исследователей, занимавшихся собирательской работой. Первый вариант методического пособия под названием «Программа для изучения «православного язычества» (религиозный синкретизм среди принявших православие народов СССР «двоеверие») был датирован 27 июня 1929 года [Шахнович, Чумакова, 2012, 191]. Методичка была издана Центральным бюро краеведения под двумя фамилиями – Маторина и Невского – в 1930 г. в виде брошюры под названием «Программа для изучения бытового православия» (Л., 1930). Она распространялась группой по изучению культов в ГАИМК, которой руководил Маторин, а секретарём был Невский [Шахнович, 2013, 205].

Основная часть этой методички посвящена изучению культа святых. В разделе «Православный анимизм» указывалось, что во время экспедиций нужно выяснить, нет ли в изучаемом крае почитаемых священных камней, рощ, деревьев, источников, озёр, колодцев, гор, пещер, связанных с именами каких-либо святых, оставивших на них (или в них) какие-либо следы. Рекомендовалось обратить внимание на почитание природных элементов в связи с культом св. Параскевы и Николая Угодника. Предлагалось выявить наличие у населения, помимо почитания охраняющей от пожара и молнии Богоматери Неопалимая купина, культа убиенного молнией отрока Артемия Веркольского (от названия села Веркола Пинежского района Архангельской области). Поклонение «нетленным» останкам Артемия началось в середине 70-х годов XVI века [Мороз, 2009, 36–37], а в 1619 г. Новгородский митрополит Макарий установил церковное почитание этого святого, и тогда же было составлено его житие. В 1648 г. по приказу Алексея Михайловича был основан Свято-Артемьевский Веркольский монастырь, в собор которого и перенесли мощи Артемия, считающегося защитником от небесного огня.

Помимо выявления связи почитания святых с природными объектами, исследователям предлагалось обратить пристальное внимание на «производственный момент» в православии.

С середины 1920-х годов в изучении культа святых начинает преобладать т.н. «классовый подход», наиболее чётко выраженный в опубликованном впервые в 1924 г., а затем много раз переизданном учебнике Н.И. Бухарина по марксистской социологии: «Бог – император, Богоматерь – императрица, Николай-чудотворец и другие излюбленные святые – министры... Между этими небесными придворными разделением труда: архистратиг Михаил – это фельдмаршал (“архистратиг” по-гречески значит “главный полководец”), богородица – главная дама, патронесса (“заступница”), Николай – главным образом бог плодородия почвы; Пантелеимон – нечто вроде медика, Георгий-победоносец – божественный “урядник” и вояка и др. Более знатным – больший почёт, лучшие жертвы, венчики и т.д.» [Бухарин, 1928, 193]. С середины 1920-х годов «увязка» изучения религии с марксизмом становится обя-

зательной, а выявление «связи хозяйственных и идеологических форм» – необходимым объектом любого исследования в области этнографии, в том числе и изучения религии. Выступая на Совещании этнографов Москвы и Ленинграда в апреле 1929 г., один из главных критиков культурно-исторического и эволюционистского подходов С.П. Толстов, который тогда был научным сотрудником Московского музея народного быта, заявил, что изучение религии должно представлять собой «изучение социально-исторических корней» и «связей с производством» [От классиков, 2014, 150]. Маторин, выступая на этом же съезде, в отличие от Толстова, ещё стремился соединить классический эволюционизм с марксизмом в вопросах изучения религии, поэтому в завершённой через два месяца после съезда методичке для проведения экспедиций и присутствуют элементы этого методологического синтеза.

Так, методичка предлагала ответить на вопросы, какому святому молятся местные охотники, бывает ли у них свой праздник, выполняют ли роль покровителей охоты святой Георгий, Мефодий-Перепелятник, в день празднования которого начиналась охота на перепелов, а также Трифон-Сокольник. В образе святого Трифона-Сокольника, покровителя охоты, соединились церковные представления о жившем в начале III в. христианском мученике Трифоне с легендой XV в. о сокольничем Ивана Грозного князе Трифоне Патрикееве, который, упустив любимого царского сокола, вознёс молитву своему небесному покровителю св. Трифону – и сокол вернулся. На том месте, где приземлился сокол, в селе Напрудном под Москвой в местах государевой соколиной охоты Патрикеев построил церковь св. Трифона. Этот эпизод описан в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный», а в сохранившемся до сих пор храме на одной из фресок (XVI–XVII вв.) был изображён всадник с соколом на вытянутой руке [Давид, 1947, 33–54].

Методичка Маторина и Невского рекомендовала исследователю обратить внимание на то, какие дикие животные изображаются на местных иконах и при каких святых. Подобные же вопросы задавались о других видах деятельности крестьян: молятся ли пчеловоды Зосиме и Савватию или другим местным святым, ставят ли иконы святых на ульях, каких святых считают покровителями рыбаков, помимо апостола Петра, Леонтия Ростовского и Никиты Исповедника.

Отдельный раздел методических указаний касался почитания святых, покровительствующих земледелию: Николе, Илье-пророку, Борису и Глебу, мученику Исидору. Предлагалось выяснить во время экспедиции, какие другие святые, по мнению верующих, способствуют произрастанию хлебов, не молятся ли они св. Герману Свияжскому о даровании дождя, не считают ли св. Параскеву покровительницей льноводства, как проявляется почитание сенокосных святых Петра и Павла, и кто покровительствует огородничеству – Конон Градарь или другие святые [Малицкий, 1932]. Отдельный раздел методички посвящён скотоводству и его святым покровителям: кого больше чтят как покровителей скотоводства – Егория или Власия, почитают ли святых «Медоста» (Модеста), Флора и Лавра; считают ли Василия Кесарийского покровителем свиней, а Онисима и Мамонта – покровителями овец. Особо следовало выяснить, нет ли в церквях почитаемых икон, на которых были бы изображены домашние животные. Следовало также узнать, почитаются ли Кузьма-Демьян [Гиппиус, 1929] и мученик Сергей как покровители кур, считают ли св. Никиту покровителем гусей.

Специальный раздел методички был посвящён святым – покровителям ремёсел. Указывалось, что необходимо выяснить, почитают ли пастухи Иоанна Богослова, кузнецы – Кузьму-Демьяна, мельники – св. Мартына, столяры – св. Иосифа, не молятся ли иконописцы апостолу Луке, не считается ли покровителем музыки и защитником от разбойников царь Давид, молятся ли об отыскании украденного Фёдору Тирону, св. Мине или св. Виктору и Викентию, почитают ли Ивана Воина и св. Касьяна (Немилостивого). Отдельно задавался вопрос с идеологически значимой классовой позиции: какой святой «считается покровителем богатых, кто помогает наживать богатство» [Шахнович, Чумакова, 2012, 198].

Специальный раздел вопросника методички был посвящён святым целителям и святым, ограждающие от смерти и болезней, а также святым и иконам Богородицы, которым молятся о рождении детей и защите беременных и рожениц. Среди

богородичных икон, помимо иконы «Вспоможение в родах», как наиболее значимые упоминаются чудотворные – Корсунская, Казанская, Тихвинская, Федоровская и Черниговская, имевшие поначалу местное значение.

Подготовленная методическая программа пользовалась большой популярностью, так как она использовалась для составления религиозно-бытовых карт. В регионы отправлялись письма примерно такого же содержания, как это письмо в Калужский музей местного края, отправленное 13 декабря 1929 г.: «Этнографический разряд Государственной Академии истории материальной культуры поручает сотруднику М.Е. Шереметьевой сбориание по Калужскому краю материалов, необходимых для составления религиозно-бытовой карты СССР, особенно сведений о местах религиозного культа (в частности о почитаемых источниках, деревьях, камнях), центрах паломничества. Собираиание указанных материалов и составление религиозно-бытовых карт в краевом масштабе необходимо не только в целях чисто научных, но и в целях ориентировки лиц, ведущих антирелигиозную работу в пределах края. Подробная программа собираиания материалов будет выслана в непродолжительное время» [АИИМК. Ф. 2. 1929 г. № 13. Л1–Л1об.].

В Научно-историческом архиве Государственного музея истории религии хранятся три рукописи неопубликованных статей сотрудницы Калужского краеведческого музея Марии Евгеньевны Шереметьевой, написанные по материалам экспедиций начала 1929–1930-х годов по Калужскому, Перемышльскому и Лихвинскому районам Калужской области, в которых она использовала программу Маторина и Невского [Терюкова, 2019, 174]. Одна из статей «Бытовое православие в Калужском крае: Никола – покровитель конопли» обсуждалась 16 мая 1934 г. на заседании секции по изучению религиозных верований народов СССР в присутствии Маторина, Невского, М.Г. Худякова, А.И. Васильева и др. Материалы этого заседания сохранились в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН [СПФА РАН. Ф. 2. Оп. 221. № 37] и были нами опубликованы в 2016 году вместе с протоколами других заседаний [Шахнович, Чумакова, 2016, 203–206]. В своём выступлении Шереметьева указала, что главными святыми в калужском крае являются Илья, Никола и Георгий, но Никола – самый почитаемый: праздник Николы-зимнего считается более значимым, чем Рождество. Конопля имела большое хозяйственное значение в приречных местностях Калужского края – и поэтому Николу, который считается её покровителем, молятся об изгнании из неё червя. По преданию, в конце XIX века после моления Николу случилось чудо: черви попадали с конопли и поползли в Оку. Наибольшей славой пользовалась статуя Николы из Калужского собора, которая «износилась» для крестного хода по деревням. Такое хождение со статуей возобновилось во время появления червей на конопле в 1930 г. Докладчица подчёркивала, что «основной блюститель культа Николы – зажиточный слой крестьянства, заинтересованный в культе конопли» [Шахнович, Чумакова, 2016, 204]. Во время дискуссии по докладу М.Г. Худяков указал на местные черты почитания Николы, а Невский отметил «два аспекта в культе Николы: Никола-дед и Никола-грозный воевода. В качестве последнего он и является охранителем от червя, который рассматривается как бесовская сила. Недаром у него в руке – меч» [Шахнович, Чумакова, 2016, 204].

В 2019 году в подготовленной нами книге была опубликована вторая из сохранившихся в ГМИР рукописей Шереметьевой 1934 года. Она посвящена почитанию дуба и источника св. Тихона в бывшей Тихоновой пустыни, расположенной в 17 км от Калуги [Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 31. Оп. 1. Д. 120]. Интересно, что, согласно сохранившемуся Протоколу заседания секции по изучению религиозных верований народов СССР от 14 декабря 1934 года, Маторин в процессе обсуждения доклада Н.А. Никитиной «Дохристианские верования восточных славян в период генезиса феодализма» упоминал проходившие летом 1934 г. православные молебны под дубом в Калужском крае с раздачей ветвей с дуба, о которых пишет в своей статье Шереметьева.

Из материалов статьи следует, что ещё в 1929 году Шереметьева ездила по Калужскому краю, изучая почитание местных святынь. Она отметила, что наиболее почитаемым источником в Калужском крае является колодец святого преподобного Тихона близ монастыря Тихонова Пустынь. Предание рассказывает, что в XV в.

Тихон поселился в глубине леса, на берегу речки Вепрейки, в дупле исполинского дуба. Пищей ему служили «саморосленные» травы, а питьём – вода из колодца, выкопанного самим святым. Колодец впоследствии был прославлен как целебный, и существует множество преданий о «чудесных исцелениях» после купанья в нём. Шереметьева писала: «Фигура Тихона в народной фантазии тесно соединилась с представлением о воде, об его источнике: одной больной Тихон является в виде старичка, вынимающего из кармана кувшинчик с водой и кропящего женщину со словами: “вот я тебе дал здоровья”; то во сне святой видится почитательнице как бы встречающем её у колодца и окропляющим её; женщине, находящейся в обители, представляется, когда она смотрит в колодец, что на дне его лежит икона Тихона и издаёт от себя чудный свет; то воображению больной видится сам Тихон в купальне, ходящим в сиянии по дну водоёма с ковшом в руке и т.п. <...> Последняя записанная мной легенда также имеет отношение к воде. Около Преображенского собора б. Тихонова монастыря находился колодец; над ним стояла металлическая статуя ангела, держащего кувшин, из которого струилась вода. Когда после Революции снимали соборный колокол, то хотели сбросить его так, чтобы он упал на статую и раздавил её, но колокол, будто бы, упал иначе – он накрыл собой изображение ангела, который продолжал лить воду. Церковники толковали, конечно, этот случай как проявление “божьей воли”». [Труды, 2019, 211–212].

Экспедиционные материалы начала 1930-х годов свидетельствуют об исчезновении многих объектов, связанных с почитанием местных святых. Приведём только несколько примеров из доклада 1933 г. сотрудника Музея истории религии АН СССР Аркадия Ивановича Васильева «Религиозные пережитки в Солецком и Псковском районе». Он сообщает, что в селе Выбуты рядом с считавшимся целебным ключом, в котором, по преданию, мылась девочкой св. княгиня Ольга, был Ольгин камень, «теперь он взорван и употреблён на шоссе» [Шахнович, Чумакова, 2016, 117]. В Пскове в Иоанно-Богословском Савво-Крыпецком монастыре культ основателя монастыря монаха-чудотворца Саввы «угас». «Некоторые совхозники даже не знают о святом, и церковь (XVI в. – М.Ш.) превратили в хозяйственное помещение» [Шахнович, Чумакова, 2016, 117]. Деревня Виделебье – родина двух чудотворцев: св. Ефросина, основателя Псковского Трехсвятительского Елеазарова монастыря (XV в.), и преподобного Никандра-пустынника (XVI в.). Объектом народного поклонения был дуб, под которым Никандр принимал паломников, и под которым был погребён. Но вот, о чём свидетельствует Васильев в 1933 г.: «Евфросина забыл даже местный поп. Никандра помнят. В церкви показывают место, где Никандр молился» [Шахнович, Чумакова, 2016, 117]. Следует сказать, что сейчас все эти места поклонения восстановлены и являются важными объектами православных паломнических практик в Псковской области.

В заключение необходимо отметить, что начатые в конце 1920-х годов полевые исследования народного православия и почитания местных святых, стремление создать полноценные карты региональных сакральных локусов (как тогда говорили – «религиозно-бытовые карты») было приостановлено репрессиями против краеведов, этнографов и фольклористов. Тем не менее, исследования продолжались, например, сотрудниками Московского Центрального антирелигиозного музея, Государственного музея этнографии и др. вплоть до начала Великой Отечественной войны. Однако того масштаба, который предполагался в 1920-е годы, эти исследования не получили.

Благодарность

Исследование поддержано грантом РФФ – DFG, проект № 21-48-04402

Acknowledgment

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation – Deutsche Forschungsgemeinschaft, project No. 21-48-04402

АИИМК – Архив Института истории материальной культуры
АН СССР – Академия наук СССР
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГМИР – Государственный музей истории религии
ИПИИ – Институт по изучению народов СССР
КИПС – Комиссия по изучению племенного состава населения
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
НИА ГМИР – Научно-исторический архив Государственного музея истории религии
РНФ – Российский научный фонд
СВБ – Союз воинствующих безбожников
СПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

1. Архив Института истории материальной культуры. Фонд 2. 1929 год. № 13. Дело Разряда этнографии. Отчёт за 1928–1929 г.
2. Арзютов, Д.В. Концепция поля в ранней советской этнографии / Д.В. Арзютов, С.А. Кан // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 6. – С. 45–68.
3. Бернштам, Т.А. Приходская жизнь русской деревни. Очерки по церковной этнографии / Т.А. Бернштам. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2005. – 416 с.
4. Бухарин, Н.И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии / Н.И. Бухарин. – М.; Л.: Гос. изд-во. – 1928. – 5-ое изд. стереотипное. 390 с.
5. Гиппиус, В. Коваль Кузьма-Демьян в фольклоре / В. Гиппиус // Етнографічний вісник. – Кн. 8. – Киев, 1929. – С. 11–51.
6. Давид, Л.А. Церковь Трифона в Напрудном / Л.А. Давид // Архитектурные памятники Москвы XV–XVII в. / П.Н. Максимов [и др.]. – М., 1947. – С. 33–54.
7. Дунаевский, Л. Научно-исследовательская работа в области воинствующего атеизма за 15 лет / Л. Дунаевский // Воинствующее безбожие за 15 лет (1917–1932). Сб. под ред. М. Енишерлова, А. Лукачевского, М. Митина. – М.: ГАИЗ, 1932. – С. 432–462.
8. Лимеров, П.Ф. Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми / П.Ф. Лимеров. – М.: «Наука», 2008. – 254 с.
9. Максимов, С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С.В. Максимов. – СПб.: Т-ство Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – 560 с.
10. Малицкий, Н.В. Древнерусские культы сельскохозяйственных святых по памятникам искусства / Н.В. Малицкий // Известия Государственной академии истории материальной культуры. – 1932. – Т. 2. – Вып. 10. – С. 1–28.
11. Маторин, Н.М. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь / Н.М. Маторин. – М.: «Безбожник», 1929. – 177 с.
12. Маторин, Н.М. Женское божество в православном культе. Пятница-Богородица. Очерк по сравнительной мифологии / Н.М. Маторин. – М.: «Московский рабочий», 1931. – 144 с.
13. Мороз, А.Б. Народная агиография. Устные и книжные основы фольклорного культа святых / А.Б. Мороз. – М.: «Неолит», 2017. – 448 с.
14. Мороз, А.Б. Святые Русского Севера. Народная агиография / А.Б. Мороз. – М.: ОГИ, 2009. – 526 с.
15. Научно-исторический Архив ГМИР. Ф. 36. Оп. 2. Д. 4. Воспоминания А.А. Невского.
16. Невский, А.А. Работа Светлоярской экспедиции (по следам Мельникова, Короленко и Пришвина) / А.А. Невский // Советская этнография. – 1931. – № 1–2. – С. 172–173.
17. От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / Под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д.Дж. Андерсона. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – 511 с.
18. Па-в, А. Следствия малограмотности среди простого народа и средства к распространению просвещения / А. Па-в // Церковный Вестник. – 1889. – № 37. – С. 635–637.
19. Панченко, А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России / А.А. Панченко. – СПб.: «Алетейя», 1998. – 306 с.

20. Панченко, А.А. Иван и Яков – необычные святые из болотистой местности. «Крестьянская агиология» и религиозные практики Нового времени / А.А. Панченко. – М.: НЛЮ, 2012. – 442 с.
21. Паозерский, М.Ф. Русские святые перед судом истории / М.Ф. Паозерский. – М.-Петроград: ГИЗ, 1923. – 156 с.
22. Соболев, В.С. Академия Наук и краеведческое движение / В.С. Соболев // Вестник РАН. – 2000. – Т. 70. – № 6. – С.535–541.
23. Терюкова, Е.А. [М.Е. Шереметьева] // Труды по истории и антропологии религии (1929–1946 гг.) / Е.А. Терюкова / Сост., подгот. М.М. Шахнович, Е.А. Терюковой; под ред. М.М. Шахнович. – СПб: СПбГУ, 2019. – С. 174–175.
24. Труды по истории и антропологии религии (1929–1946 гг.) / Сост., подгот. М.М. Шахнович, Е.А. Терюковой; под ред. М.М. Шахнович. – СПб: СПбГУ, 2019. – 396 с.
25. Худяков, М.Г. Из опыта ленинградских этнографов. Институт по изучению народов СССР (ИПИИ) / М.Г. Худяков // Этнография. – 1930. – № 4. – С. 85–86.
26. Шахнович, М.И. Вторая пятилетка этнографической работы МАЭ и ИПИИ Академии наук СССР и Этнографического отдела Государственного Русского музея / М.И. Шахнович // Советская этнография. – 1932. – № 5–6. – С. 195–207.
27. Шахнович, М.М. Секция по изучению религий народов СССР при Музее истории религии Академии наук СССР (1934 г.) / М.М. Шахнович // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. – 2013. – Т. 31. – № 1. – С. 202–219.
28. Шахнович, М.М. «Культурничество» или «агитпроп»: антирелигиозные экспозиции в Петрограде/Ленинграде в 1920-е годы / М.М. Шахнович // Труды Государственного музея истории религии. – СПб, 2019. – Вып. 19. – С. 54–63.
29. Шахнович, М.М. Н.М. Маторин и его программа изучения народной религиозности / М.М. Шахнович, Т.В. Чумакова // Религиоведение. – 2012. – № 4. – С.191–202.
30. Шахнович, М.М. Идеология и наука. Изучение религии в эпоху культурной революции / М.М. Шахнович, Т.В. Чумакова. – СПб: «Наука», 2016. – 367 с.
31. Швецова, В.Ф. Православие в России накануне 1917 г. / В.Ф. Швецова; пер. с англ. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2010. – 488 с.

Текст поступил в редакцию 09.02.2021.

Принят к публикации 24.06.2021.

Опубликован 28.09.2021.

References

1. *Arhiv Instituta istorii material'noj kul'tury* [Archive of the Institute for the History of Material Culture]. Fund 2. 1929 year. No. 13. Delo Razryada etnografii. Otchet za 1928–1929 g. (in Russian).
2. Arzyutov D.V., Kan S.A. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2013, no. 6, pp. 45–68 (in Russian).
3. Bernshtam T.A. *Prihodskaya zhizn' russkoj derevni. Oчерки po cerkovnoj etnografii* [Parish life of the Russian village. Essays on Church Ethnography]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2005, 416 p. (in Russian).
4. Buharin N.I. *Teoriya istoricheskogo materializma. Populyarnyj uchebnyk marksistskoj sociologii* [The theory of historical materialism. A popular textbook on Marxist sociology]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo, 1928, 5-oe izd. Stereotipnoe, 390 p. (in Russian).
5. David L.A. *Arhitekturnye pamyatniki Moskvy XV–XVII v.* [Architectural Monuments of Moscow of the 15th – the 17th Centuries]. Maksimov P.N., etc. Moscow, 1947, pp. 33–54 (in Russian).
6. Dunaevskij L. *Voinstvuyushchee bezbozhie za 15 let (1917–1932)* [Militant Atheism in 15 years (1917–1932)]. Eds. M. Enisherlov, A. Lukachevsky, M. Mitin. Moscow: GAIZ, 1932, pp. 432–462 (in Russian).
7. Gippius V. *Etnografichnij visnik* [Ethnographic Bulletin]. Kiev, 1929, book 8, pp. 11–51 (in Russian).
8. Khudyakov M.G. *Etnografiya* [Ethnography]. 1930, no. 4, pp. 85–86 (in Russian).
9. Limerov P.F. *Obraz sv. Stefana Permskogo v pis'mennoj tradicii i v fol'klоре naroda komi* [The image of St. Stefan Permsky in the written tradition and in the folklore of the Komi people]. Moscow: Nauka, 2008, 254 p. (in Russian).
10. Maksimov S.V. *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila* [Unclean, unknown power and power of the cross]. St. Petersburg: T-stvo R. Golike i A. Vil'borg, 1903, 560 p. (in Russian).
11. Malickij N.V. *Izvestiya Gosudarstvennoj akademii istorii material'noj kul'tury* [Bulletin of State Academia of the History of Material Culture]. 1932, vol. 2, no. 10, pp. 1–28 (in Russian).
12. Matorin N.M. *Religiya u narodov Volzhsko-Kamskogo kraya prezhe i teper'* [Religion among the peoples of the Volga-Kama region aforetime and now]. Moscow: Bezbozhnik, 1929, 177 p. (in Russian).
13. Matorin N.M. *Zhenskoe bozhestvo v pravoslavnom kul'te. Pyatnica-Bogorodica. Oчерk po sravnitel'noj mifologii* [Female deity in the Orthodox cult. Friday –Mother of God. Essay on Comparative Mythology]. Moscow: Moskovskij rabochij, 1931, 144 p. (in Russian).

14. Moroz A.B. *Narodnaya agiografiya. Ustnye i knizhnye osnovy fol'klornogo kul'ta svyatyh* [Folk hagiography. Oral and literal foundations of the folklore cult of saints]. Moscow: Neolit, 2017, 448 p. (in Russian).
15. Moroz A.B. *Svyatye Russkogo Severa. Narodnaya agiografiya* [Saints of the Russian North. Folk hagiography]. Moscow: OGI, 2009, 526 p. (in Russian).
16. *Nauchno-istoricheskij Arhiv GMIR* [Scientific and Historical Archive of the State Museum of History of Religion]. Fund 36. Inventory 2. File 4. Vospominaniya A.A. Nevskogo (in Russian).
17. Nevskij A.A. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1931, no. 1–2, pp. 172–173 (in Russian).
18. *Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.)* [From the classics to Marxism: a meeting of ethnographers from Moscow and Leningrad (April 5–11, 1929)]. Eds. D.V. Arzyutov, S.S. Alymov, D.Dzh. Anderson. St. Petersburg: MAE RAN, 2014, 511 p. (in Russian).
19. Pa-v A. *Cerkovnyj Vestnik* [Church Bulletin]. 1889, no. 37, pp. 635–637 (in Russian).
20. Panchenko A.A. *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyni Severo-Zapada Rossii* [Research in the field of folk Orthodoxy. Village shrines of the North-West of Russia]. St. Petersburg: Aleteya, 1998, 306 p. (in Russian).
21. Panchenko A.A. *Ivan i Yakov – neobychnye svyatye iz bolotistoj mestnosti. “Krest'yanskaya agiologiya” i religioznye praktiki Novogo vremeni* [Ivan and Jacob – unusual saints from the swampy area. “Peasant hagiology” and religious practices of modern times]. Moscow: NLO, 2012, 442 p. (in Russian).
22. Paozerskij M.F. *Russkie svyatye pered sudom istorii* [Russian saints on trial of history]. Moscow-Petrograd: GIZ, 1923, 156 p. (in Russian).
23. Sobolev V.S. *Vestnik RAN* [Bulletin of RAS]. 2000, vol. 70, no. 6, pp. 535–541 (in Russian).
24. Teryukova E.A. [M.E. Sheremetyeva]. *Trudy po istorii i antropologii religii (1929–1946 gg.)* [Proc. on the History and Anthropology of Religion (1929–1946)]. Collect. By M.M. Shakhnovich, E.A. Teryukova; ed. M.M. Shakhnovich. St. Petersburg: SPbGU, 2019, pp. 174–175 (in Russian).
25. *Trudy po istorii i antropologii religii (1929–1946 gg.)* [Proc. On the History and Anthropology of Religion (1929–1946)]. Collect. By M.M. Shakhnovich, E.A. Teryukova; ed. M.M. Shakhnovich. St. Petersburg: SPbGU, 2019, 396 p.
26. Shakhnovich M.I. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1932, no. 5–6, pp. 195–207 (in Russian).
27. Shakhnovich M.M. *Gosudarstvo, religiya i cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church Abroad]. 2013, vol. 31, no. 1, pp. 202–219 (in Russian).
28. Shakhnovich M.M. *Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii* [Proc. of State Museum of the History of Religion]. St. Petersburg, 2019, vol. 19, pp. 54–63 (in Russian).
29. Shakhnovich M.M., Chumakova T.V. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2012, no. 4, pp. 191–202 (in Russian).
30. Shakhnovich M.M., Chumakova T.V. *Ideologiya i nauka. Izuchenie religii v epohu kul'turnoj revolyucii* [Ideology and Science. The study of religion in the era of the cultural revolution]. St. Petersburg: Nauka, 2016, 367 p. (in Russian).
31. Shevzov V. *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution*. Oxford: Oxford University Press, 2004, 358 p. (Russian ed.: Shevtsova V.F. *Pravoslavie v Rossii nakanune 1917 g.* St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2010, 488 p.).

Submitted for publication: February 9, 2021.

Accepted for publication: June 24, 2021.

Published: September 28, 2021.